

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА МУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kareliaptz@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В ЛИРИЧЕСКОМ ДУХОВНОМ СТИХЕ*

Духовные стихи, которые все чаще становятся объектом пристального внимания ученых, до сих пор недостаточно изучены в отношении языкового функционирования. Описание всех сторон языкового оформления духовного стиха позволит дать полное представление о произведении данного жанра как поэтическом целом. В работе рассмотрены семантические оппозиции в лирическом духовном стихе, являющиеся одним из способов реализации жанровой динамики. Принцип контраста – один из наиболее ярких композиционных принципов любой поэтической структуры – в произведении устного народного творчества особенно актуален и, по-разному проявляясь в уровне организации текста, выполняет важнейшие строевые и эстетические функции в духовном стихе. Анализ материала выявил свойственную оппозициям иерархичность, которая определяется, например, таким признаком, как языковой статус (общезыковые / контекстуальные), позволил сделать вывод о выполнении семантическими оппозициями одной из важных функций – текстообразующей, когда первый член оценочной оппозиции «программирует» появление в нем своего антипода.

Ключевые слова: лингвопоэтика, духовные стихи, лирические стихи, семантические оппозиции

В соотнесенности с жанровым канонизмом язык и стиль фольклорного произведения являются важнейшим направлением исследования устного народного творчества. Язык фольклора «при всем его обычно констатируемом единстве и известной замкнутости характеризуется отчетливо представленным стилистическим расслоением и внутренней дифференциацией» [14: 11].

Фольклор предполагает не только устную форму бытования текста, но и основную семантическую нагрузку на слово, значение которого определяется традицией, порождающей текст. Лексическая единица зависит от жанра, местоположения в тексте и контекста. С. Е. Никитина замечает, что многие слова в языке фольклора выполняют двойную функцию: они, с одной стороны, обозначают реалии вещного мира, с другой – являются символами, знаками напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующими часть неосознанных архетипических представлений [10].

Смысл слова может расширяться благодаря широкому спектру стилистических приемов, присущему устному народному творчеству. Одним из таких приемов является контраст, представляющий собой «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения» [13: 115]. Принцип контраста, относимый к одному из основных композиционно-стилистических принципов построения речи, по наблюдению Ш. Балли, являет собой тенденцию человеческого ума в стилистической обработке, так как базируется на закономерностях человеческого восприятия и познания [1].

Принцип контраста реализуется на всех уровнях фольклорного текста: звуковом, композиционном, образно-тематическом и словесном.

Главным лексическим средством организации текстовой антитезы являются антонимы, которые по-разному характеризуются в научной литературе с точки зрения парадигматики и синтагматики. При парадигматическом описании указывается, что антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. Подчеркивается свойственная антонимам семантическая общность, проявляющаяся в «соотносительности значений» [15: 62], или в их принадлежности к одной «лексико-семантической парадигме» [16: 145], или в том, что они выражают одно и то же родовое понятие [12]. Обязательным для антонимов признается обозначение качественных признаков, допускающих градуирование [6].

Из синтагматических свойств антонимов в качестве обязательного признака исследователи обычно отмечают хотя бы частичное совпадение сочетаемости [5].

В специальных работах рассматриваются вопросы классификации антонимов. Основой для различных классификаций служат следующие признаки: а) точность антонимического противопоставления двух значений (точные – приближительные); б) степень совпадения – несовпадения сочетаемости (полные – частичные); в) число антонимичных значений двух слов и некоторые другие [11], [12].

Для фольклористики характерен взгляд на произведение устного народного творчества как на особую художественную систему, комплекс жанров и специфических художественных средств, которые, начиная с работ А. Н. Веселовского [3], последовательно анализируются в их художественно-стилистической функции, направленной на восприятие.

Семантические оппозиции стали предметом пристального внимания исследователей при описании архаических традиций, различных речевых ситуаций, в том числе фольклорных, диалектных текстов.

Антитеза становилась предметом изучения в разных жанрах фольклора: сказках, балладах, пословицах, хороводных песнях, солдатских и рекрутских песнях, былинах. Семантические оппозиции были рассмотрены и в некоторых эпических духовных стихах [7], [9].

Исследователи замечают, что антитеза, служащая созданию художественного единства произведения, выражается не только смысловым противопоставлением понятий, но и использованием лексических, грамматических и синтаксических приемов. Будучи важным стилистическим средством, она выполняет сюжетообразующую и композиционную функции: «...противопоставление персонажей, являющееся сюжетообразующим средством, выливается в композиционную антитезу, соответствующую и стилевые формулы (оценка поступков, диалоги и т. д.), часто построенные на контрастах» [2: 70]. Антитеза, носящая частный или общий характер, выполняет в произведении характеризующую функцию.

Языковеды убедительно доказали, что фольклорная картина мира – модель, трансформированная через систему оценочных кодов. Она принципиально строится на оппозициях разного рода, которые заложены и в «физической» модели построения макрокосма, и в «психическом» освоении этой действительности. Оппозиции реализуются как в условиях микроконтекста, в пределах стиха или параллельных стихов, так и в пределах целого произведения.

Лексические оппозиции (антонимы) в своем подавляющем большинстве характеризуются параллельным расположением, благодаря которому антитеза становится лингвистическим, а не логическим средством: без параллелизма нет стилистического приема, а есть лишь средство логическое.

Объектом оценки духовного стиха является человеческая душа. По мнению С. Е. Никитиной, определяющим противопоставлением в данном жанре является не *свое / чужое*, что свойственно для фольклора вообще, а *грех / праведность*, по-разному реализующимся в семантических оппозициях конкретных текстов и их вариантов [10]. Исследователь приходит к выводу о том, что семантические оппозиции – это обобщение и категоризация единиц фольклорного текста, они имеют различное функционально-стилистическое происхождение, выполняют оценочную, воспитательную, просветительскую, текстообразующую функции.

Духовные стихи представляют собой весьма пестрый жанр, включающий лирические, лиро-эпические и эпические произведения. Нами рассмотрены только лирические духовные стихи, опубликованные в сборнике «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв.»¹

[4]. Каждое произведение, содержащее антитезу, было рассмотрено отдельно, что обуславливается необходимостью установления связи оппозитивов с сюжетом.

Стихотворение «Плач Иосифа Прекрасного» представляет собой мольбу главного героя о возвращении на Родину. В произведении отражено пространственное противопоставление *рай / ад*, обозначенное имплицитно: *слезы, реки эдемские / геенский огонь*. Слезы, реки символизируют рай, о чем свидетельствует, например, стих о «Двух братьях Лазарях», в вариантах которого атрибутом рая выступает такой символ воды, как море [8], и подчеркивает относительное прилагательное *эдемский*. Слезы являются ключом к очищению от греха и определяют способность героя общаться с Богом: «*исчезнуша мои слезы о моем с тобою разлучении; умолкнуша гортань моя*» [4: 154], которую он утрачивает, оказываясь на чужой земле. И здесь появляется еще одна пространственная оппозиция *Израиль* (родина Иосифа) / *ина земля* (чужбина).

«Стих о лени» основан на временной оппозиции *рано / поздно*, которая тесно связана с противопоставлением *Царствие небесное / мука превечная*. Произведение в назидательной форме рассказывает о том, что получит человек, который рано встает и поздно ложится: трудолюбивый не только обретет материальные ценности (возможность есть, пить сладкое, красиво одеваться, занимать высокий пост и т. д.), но и изменится духовно (очистится от греха, получит признание людей и др.). И как следствие, трудолюбивый человек после смерти обретет рай, а ленивый – ад, потому что «*об ленивых рабах сам Господь Бог не печется*» [4: 199]. Интересно, что здесь материальные блага не выступают чем-то постыдным, препятствующим попаданию в царствие небесное, а стоят в одном ряду с ценностями истинного христианина.

В произведении «Святитель Никола и нищая братия» отражена локусная оппозиция *небесные высоты, рай светлый / земля грешная; чертоги в раю светлом / сырая земля*. Защитник обездоленных Святой Николай должен сойти с неба на землю или послать *раба-христианина*, который взамен помощи нищей братии получает как место в раю, так и материальное благополучие «*в живленьи на сырой земле*» [4: 117].

Стих «Иоасаф-царевич и пустыня», представленный двумя вариантами, построен в виде диалога между главным героем и пустыней. Центральная оппозиция духовного стиха *грех / праведность* ярко выражена в описании жизни героя в миру и в пустыне, где его жизнь посвящена служению Богу: *юность прелестная, вольное царство, белая каменная палата, казна золотая, царские яства и пойла* противопоставлены *творению воли божьей, земным поклонам до смертного часу, воскушанию гнилой колоды, испиванию болотной водицы*. Первая часть оппозиции содержит перечисление того, что приравняется к греху и ведет к *огню, муке превечной*, которая

противопоставлена *царствию небесному*, доступному после очищения души жизнью в аскезе (вторая часть оппозиции).

В духовном стихе *пустыня* выступает связующим звеном между небом и землей. Сакральный локус, имея райские атрибуты и являясь местом спасения, противопоставлен остальной земле. Выполняя связующую функцию, *пустыня* в народном православии становится не просто местом уединения, совершения христианского подвига, но и одушевленной субстанцией, которой отводится важная роль – принимать или не принимать человека, жаждущего покаяния.

Небольшой по объему стих «Никола-Святитель» содержит локусную оппозицию *славный Бург-град, неверная страна в немцах, земля турская / святая Русь*, где вымышленная территория символизирует место хранения мощей Святого Николая, а Русь – место совершения чудес.

«Стих о смерти» представлен в сборнике в четырех вариантах. Темпоральная оппозиция *вечер / утро* отражена только в первых двух вариантах. Вечер представляет собой грешную жизнь на земле и символизирует конец дня, цикла, жизни: «*Со вечера человек веселился, радовался...*» [4: 236], а утро – жизнь души после смерти: «*...По утру человек во гробу лежит...*» [4: 236].

В произведении «Плач души» противопоставление *грех / праведность* выражено двумя блоками. Первый содержит перечисление материальных благ и человеческих качеств, которые не помогут избежать Страшного суда: «*Не поможет душам нашим Ни злато, ни серебро, Ни имень, ни богатство, Ни цветное наше платие, Ни прелесть нам лицемерная, Ни скупость нам лукавая, Ни гордость безумная*» [4: 227]. При описании грехов используется прием градации – повышается степень греховности составляющих. Второй блок содержит перечисление действий, составляющих христианский подвиг и помогающих избежать Страшного суда: «*Только помогут душам нашим Все дела, дела наши добрые. Смирение, большое наше терпение, Слезы с плачем, с покаянием, Есть поклоны наши полуночные, Тихомирна тайна милостыня*» [4: 227]. Составляющие второго блока аксиологически равноценны.

Лирические духовные стихи, в отличие от эпических, в меньшей степени характеризуются наличием оппозиций, что обусловлено описанием душевных переживаний героя, не его жизни, и, вследствие этого, отсутствием героя-антагониста, с которым борется и которому противо-

поставляется персонаж, утверждающий христианскую веру.

Главная оппозиция *грех / праведность* находит свое отражение в противопоставлении по вертикальной оси. Здесь соотносятся сакральные локусы рай / ад: *слезы, реки эдемские / геенский огонь; Царствие небесное / мука превечная*; сакральные и мирские небо / земля: *небесные высоты, рай светлый / земля грешная; чертоги в раю светлом / сырая земля*. Противопоставление может быть организовано и по горизонтальной оси, где в антонимичные отношения вступают своя и чужая земля: *Израиль (родина Иосифа) / иная земля (чужбина); славный Бург-град, неверная страна в немцах, земля турская / святая Русь*.

В меньшей степени в произведениях отражена временная оппозиция, выраженная антонимами: *рано / поздно; утро / вечер*.

Центральное противопоставление жанра *грех / праведность* в лирических духовных стихах находит свое отражение при описании праведной и неправедной жизни и представлена целыми блоками: *злато, серебро, имень, богатство, цветное платие, прелесть лицемерная, скупость лукавая, гордость безумная / дела добрые, смирение, большое терпение, слезы с плачем и покаянием, поклоны полуночные, тайная милостыня* и др. Такое пространное описание праведного и неправедного поведения, вероятно, имеет назидательный характер: выбор человеком образа жизни на земле предопределяет местоположение его души после смерти.

Анализ показал, что, как правило, в оппозиции входят контекстуальные антонимы, употребление которых обусловлено спецификой жанра.

В рамках оппозиций актуализируется не только собственно лексическая семантика, но и коннотативная семантика фольклорного слова, что достигается, в частности, параллельным расположением оппозиций, которые в духовном стихе имеют различное функционально-стилистическое происхождение: это высокий книжно-славянский слой лексики (*чертоги в раю, Царствие небесное*) и народно-разговорный, иногда сниженный (*царские поила, гнилая колода*).

Семантические оппозиции выполняют не только оценочную, воспитательную и просветительскую функции, но и текстообразующую. Один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, как бы программирует появление в нем своего антипода.

* Исследование выполнено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2017–2021 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В тексте сохранена орфография источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К. А. Долинина; Под ред. Е. Г. Эткинда. М.: Иностранная литература, 1961. 394 с.
2. Ведерникова Н. М. Антитеза в волшебных сказках // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М., 1975. С. 66–78.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 406 с.
4. Голубиния книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991. 351 с.

5. Лесник М. Д. Об антонимичности прилагательных большой, малый, маленький и сфере их употребления в современном русском языке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1952. № 161. Вып. 18. С. 119–126.
6. Максимов Л. Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1952. № 161. Вып. 18. С. 102–118.
7. Мухина Е. А. Языковая экспликация концептуальных оппозиций как способ реализации жанровой динамики духовного стиха «Алексей человек Божий» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С. 55–60.
8. Мухина Е. А. Концепт море в русской народно-речевой культуре (на примере духовного стиха) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. научн. тр. Вып. 6 / Сост., отв. ред. Т. В. Семашко. М.; Архангельск: Соломбальская типография, 2013. С. 35–39.
9. Мухина Е. А. Семантические оппозиции в эпическом духовном стихе «Два Лазаря» // Язык как основа этнокультурной идентичности: Материалы научно-практического семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 40–47.
10. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 385 с.
11. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. М.: Арсис Лингва: Вентана-Граф, 1996. С. 5–30.
12. Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в национальной школе. 1966. № 4. С. 76–87.
13. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
14. Тарланов З. К. Язык и поэтика фольклора: проблемы, итоги, перспективы // Язык и поэтика фольклора / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 2001. С. 3–12.
15. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: URSS, 2009. 312 с.
16. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

Mukhina E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SEMANTIC OPPOSITION IN THE LYRICAL SPIRITUAL VERSE

Spiritual poems often become an object of scientists' attention due to the fact that they are not sufficiently studied from the stand point of the language functioning. A description of all aspects of the spiritual verse language arrangement helps to get a complete picture of the works belonging to this poetic genre. The paper describes the phenomenon of semantic opposition of the spiritual lyrical verse. Employment of this phenomenon helps to realize dynamics of this genre. The principle of contrast is very important in the works of oral folklore, as well as equipollent structural and aesthetic functions of the spiritual verse. In the course of the analysis it was revealed that components of the opposition are characterized by the hierarchy, which helps to fulfill an important text-forming function.

Key words: lingvopoetica, spiritual poems, lyrical poems, semantic opposition

REFERENCES

1. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French style]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1961. 394 p.
2. Vedernikova N. M. The antithesis in the magic fairy tales [Antiteza v volshebnykh skazkakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova*. Issue 3. Moscow, 1975. P. 66–78.
3. Veselovskij A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. 406 p.
4. Golubina kniga: *Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vekov* [Pigeon book: Russian folk spiritual poems XI–XIX centuries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991. 351 p.
5. Lesnik M. D. On the antonymical nature of the adjectives big, small, tiny and the sphere of their use in the modern Russian language [Ob antonimichnosti prilagatel'nykh bol'shoy, malyy, malen'kiy i sfere ikh upotrebleniya v sovremennom russkom yazyke]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University]. 1952. № 161. Issue 18. P. 119–126.
6. Maksimov L. Yu. Antonymy as one of the indicators of the quality of adjectives [Antonimiya kak odin iz pokazateley kachestvennosti prilagatel'nykh]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University]. 1952. № 161. Issue 18. P. 102–118.
7. Mukhina E. A. A language explication of conceptual oppositions as a way of realization of genre dynamics of a spiritual verse “Alexey is a Man of God” [Yazykovaya eksplikatsiya kontseptual'nykh oppozitsiy kak sposob realizatsii zhanrovoy dinamiki dukhovnogo stikha “Aleksey chelovek bozhii”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2013. № 5 (134). P. 55–60.
8. Mukhina E. A. The concept of the sea in the Russian folk speech culture (for example spiritual verse [Koncept more v russkoy narodno-rechevoy kul'ture (na primere dukhovnogo stikha)]. *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira*. Moscow, Arkhangelsk, Solombal'skaya tipografiya Publ., 2013. P. 35–39.
9. Mukhina E. A. The semantic oppositions in the epic holy verses “Two of Lazarus” [Semanticheskie oppozitsii v epicheskom dukhovnom stikhe “Dva Lazarya”]. *Yazyk kak osnova etnokul'turnoy identichnosti: Materialy nauchno-prakticheskogo seminar*. Petrozavodsk, 2007. P. 40–47.
10. Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 385 p.
11. Novikov L. A. Russian antonymy and its lexicographical description [Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie]. *L'vov M. P. Slovar' antonimov russogo yazyka*. Moscow, Arsis Lingva, Ventana-Graf Publ., 1996. P. 5–30.
12. Novikov L. A. The logical opposite and lexical antonymy [Logicheskaya protivopolozhnost' i leksicheskaya antonimiya]. *Russkiy yazyk v natsional'noy shkole*. 1966. № 4. P. 76–87.
13. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
14. Tarlanov Z. K. The language and poetics of folklore: problems, results, prospects [Yazyk i poetika fol'klora: problemy, itogi, perspektivy]. *Yazyk i poetika fol'klora*. Petrozavodsk, PGU Publ., 2001. P. 3–12.
15. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of modern Russian language]. Moscow, URSS Publ., 2009. 312 p.
16. Shmelev D. N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on semasiology Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 244 p.

Поступила в редакцию 09.11.2016